
СМУТНОЕ ВРЕМЯ В РОССИИ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕСТАВРАЦИИ

Д.Е. Летняков

Кафедра политологии

Государственный академический университет гуманитарных наук

Мароновский пер., 26, Москва, Россия, 119049

Статья посвящена событиям Смутного времени начала XVII в., которые анализируются с точки зрения зарождения в России демократических форм социальной интеграции и легитимации власти, попытки установления нового, гражданского типа взаимоотношений между властью и обществом. Тем самым автор предлагает пересмотреть распространенное отношение к русской политической традиции как сугубо авторитарной, негражданской.

Ключевые слова: политическая история России, Смутное время, Земской собор, гражданское общество, политическая модернизация, монархия.

События русской Смуты начала XVII в. кажутся сейчас чем-то далеким, имеющим подлинный интерес разве что для исторической науки. Во многом это связано с устоявшейся «консервативной» интерпретацией социальных процессов, происходивших в России в тот период. «Консервативной» в том смысле, что общий итог Смутного времени рассматривают, как правило, исключительно в логике успешного завершения национально-освободительной борьбы против польских и шведских интервентов, а также восстановления самодержавной власти после нескольких лет всеобщего хаоса и «войны всех против всех». В таком контексте, действительно, Смута — это не более чем один из героических эпизодов русской истории, достойный памяти о нем и даже, наверное, учреждения государственного праздника 4 ноября.

Мы, однако, предлагаем посмотреть на Смуту с совершенно другой точки зрения — как на *попытку русского общества установить принципиально иные отношения с властью, близкие по своей сути к гражданским*. Другими словами, увидеть в Смуте не простую реставрацию законной власти на волне национально-патриотического подъема, а скорее революцию (если судить по масштабам произошедших изменений), в ходе которой в России возникли новые формы социальной интеграции и легитимации власти, новая политическая конфигурация.

Почему это важно сегодня? Дело в том, что такое «высвечивание» гражданских традиций в отечественной истории позволяет во многом пересмотреть малопродуктивные (но, к сожалению, весьма распространенные) представления о русском обществе как исключительно патерналистском, авторитарном, не содержащем в себе сколько-нибудь серьезных импульсов для демократизации. События Смуты как нельзя лучше показывают, что жесткое противопоставление демократии российским культурным и политическим традициям вряд ли является верным, и правильнее было бы говорить не об отсутствии в истории России гражданских, демократических тенденций, а о том, что у нас, в отличие от За-

пада, эти тенденции не получили своего завершения в виде институционально оформленной структуры гражданского общества.

Оставляя в стороне социально-экономические причины Смуты, которые для нас в данном случае имеют второстепенное значение, отметим, что главным политическим фактором тех событий стал кризис легитимации власти в России. Этот кризис был вызван, в первую очередь, политикой Ивана Грозного, известной как опричнина.

Сегодня очевидно, что опричнину неправильно рассматривать исключительно как проявление религиозной экзальтированности или жестокости царя. Корни опричного террора следует искать, в том числе, и в политической плоскости — это была попытка практической реализации абсолютистских идей, которыми питались русские правители усилиями иосифлян начиная с Ивана III. Иосифлянское духовенство разработало теократическую концепцию самодержавия как власти, учрежденной Богом, а потому неограниченной, с почти Божественными функциями («царь естеством подобен всем людям, властью же подобен Богу Вышнему» [10. С. 367]), и Грозный глубоко проникся этой идеологией, развил ее и перевел в плоскость практической политики. Именно к иосифлянскому концепции апеллирует царь в своей знаменитой переписке с беглым князем Андреем Курбским, обосновывая разрыв с «Избранной радой» и начало опричнины. Грозный понимает самодержавие как власть сакральную, абсолютную, стоящую вне любых форм общественного влияния и контроля: «До сих пор русские власти-тели ни перед кем не отчитывались... А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить» [6. С. 136]. Также в духе иосифлян Грозный трактует царскую власть как земное наместничество Бога, поэтому сопротивление правителю равнозначно сопротивлению Всевышнему.

Соответственно, политический смысл опричного террора заключался в установлении в стране абсолютистской системы управления, при которой общество, церковь, аристократия находились бы в беспрекословном подчинении самодержавной власти. Во многом Грозному это удалось, но его «победа» оказалось пирровой — политика царя вывала тяжелейший социально-экономический и политический кризис, важной частью которого был *кризис легитимации власти*. События опричнины нанесли серьезный удар по традиционному восприятию самодержца в русском общественном сознании как защитника, гаранта мира и справедливости. Не случайно англичанин Джером Горсей, находясь в тот момент в России и отмечая «всеобщую ненависть, подавленность, страх и недовольство во всем... государстве» (См.: [12]), пророчески предсказал, что страна стоит на пороге гражданской войны. Для погружения страны в хаос достаточно было появления сколько-нибудь серьезного катализатора общественного недовольства. Им стали три подряд неурожайных года (1601—1603), после которых вся социально-экономическая и политическая линия царя Бориса Годунова потерпела полный крах, Россию захлестнула волна насилия и бунтов. Началось Смутное время.

Не останавливаясь подробно на фактической стороне тех событий, отметим, что в процессах Смуты можно явно увидеть наличие двух связанных между со-

бой линий. Содержание первой состояло в *неприятии обществом старого социально-политического порядка*, что вылилось в непрерывные восстания против центральной власти, в открытое неподчинение столице целых провинций, в феномен многочисленных самозванцев, за которыми шли охотнее, чем за законными, но нелегитимными московскими правителями.

Но чем сильнее общество погружалось в «естественное состояние» безвластия, тем энергичнее в нем шел поиск путей выхода из этой критической ситуации. Полная деградация властных институтов и фактический распад государства, произвол тушинцев, казаков и просто разбойничьих шаяк, а также начало иностранной интервенции вызвали к жизни тенденции другого порядка — уже не разрушительные, а созидательные. И это была вторая линия Смуты, проявившаяся в усилении чувства социальной ответственности населения за судьбу своей страны, в широком подъеме национального и религиозного самосознания народа. Итогом этого стали *мощные процессы социальной интеграции, а также расширение рамок и форм общественного участия*. На практике это означало активизацию земского самоуправления, формирование различного рода городских советов, народных ополчений, Советов всей земли и прочих институтов, созданных на демократической основе.

Первые признаки общественного подъема зарождаются на Русском Севере, где издавна существовали многочисленные городские и волостные «миры», т.е. самоуправляющиеся тяглые сообщества. На эти земские структуры, привычные для населения, и опираются первоначально выступления против поляков и отрядов Лжедмитрия II. Но постепенно рамки традиционного земского самоуправления расширяются и повсеместно создаются всесословные городские и уездные советы, а затем эти институты дополняются еще более широкими формами интеграции: различные города начинают обмениваться между собой грамотами, координируя свою политику, а также образуют общие выборные органы.

Следующим этапом общественной интеграции стало формирование институтов, выстроенных «снизу вверх», уже на общенациональном уровне. В самом начале 1611 г. в Рязани создается Первое земское ополчение, целью которого было освобождение Москвы от поляков. Состав ополчения включал в себя земские рати из 25 русских городов. Подойдя к столице и осадив ее, ополченцы учреждают собственные органы власти, центральное положение среди которых занимал «Совет всей земли». В него входили выборные от всех городов, а «воеводами» (военными руководителями) были избраны рязанский думный дворянин П.П. Ляпунов, князь Д.Т. Трубецкой и казачий атаман И.М. Заруцкий. Отказывая в легитимности сидящему в Москве правительству «Семибоярщины», *ополченцы берут на себя функции национального правительства* — от имени «всей земли» они решают различные государственные вопросы, раздают поместья, назначают городских воевод, рассылают грамоты и даже ведут переговоры о приглашении на русский престол шведского принца.

Спустя три месяца ополченцы собирают общеземский представительный орган, в который входили депутаты от различных социальных групп, находившихся

в земских ратях. Этот орган на своих заседаниях разработал и принял документ, известный как «Приговор», 30 июня 1611 г. Его текст является лучшей иллюстрацией процессов становления новых принципов во взаимоотношениях между обществом и властью, утверждавшихся в Смутное время. В частности, «Приговор» вводил существенные ограничения власти земского правительства, члены которого по привычке назывались в тексте «боярами». Так, статья 19 гласила: «А строить Землю и всяким земским и ратным делом промышлять, бояром, *которых избрали всею Землею* и по сему всее Земли приговору. *А смертною казнию без земскаго, и всей Земли приговору бояром не по вине не казнити* (здесь и далее курсив мой — Д.Л.)» [2. С. 638].

Под «всею Землей» в данном случае подразумевался «Совет всей земли», получавший в новых условиях статус высшего властного органа. Это подтверждает и статья 24, посвященная ответственности «бояр» и «воевод» перед рядовыми ополченцами: «А буде бояря, которых выбрали ныне всей Землей для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и расправы чинити не учнут во всем в правду, и по сему земскому приговору всяких земских и ратных дел делати не станут... или которые воеводы бояр во всех делах слушати не учнут, и *нам всею Землею вольно бояр и воевод переменить, и в то место vybrати иных, поговоря со всею Землею*, хто будет болюю к земскому делу пригодится» [2. С. 638].

Надо сказать, что идея юридического ограничения верховной власти вообще была одной из центральных в Смуту и неоднократно возникала в связи с различными политическими событиями. Впервые она была реализована при восшествии на престол Василия Шуйского, принявшего «крестоцеловальную запись», в которой он обязался не предавать «всякого человека» смертной казни без «истинного суда» с боярами и не лишать имущества родственников казненных преступников. В 1610 г. появился проект боярина Михаила Салтыкова, предлагавшего пригласить на русский престол польского королевича Владислава, оговорив его власть рядом принципиальных условий. Среди них было, во-первых, непременное осуществление судебных функций совместно с боярами, и, во-вторых, обязательство принимать новые законы совместно с Боярской думой и, вероятно, Земским собором (в тексте говорится о представителях «всею земли»).

Но в отличие от ситуации с Василием Шуйским и королевичем Владиславом «Приговор» 1611 г. интересен тем, что он исходил не от аристократии, а от более демократичных слоев населения, а значит, *задача защиты от властного произвола и создания определенных рамок взаимодействия между правителем и подданными воспринималась как важная самими различными социальными группами*. Это говорит о серьезных мировоззренческих сдвигах, произошедших в политической культуре русского общества.

Гибель Ляпунова вызвала распад Первого ополчения, но почти сразу же в Нижнем Новгороде начинает формироваться Второе земское ополчение, выстроенное на тех же принципах «низовой» демократии. Как только его предводитель Д.М. Пожарский прибывает в Ярославль, бывший сборным пунктом для

земских ратей, оттуда по всем городам — участникам ополчения рассылаются грамоты с призывом прислать «для земского совета» «изо всяких чинов человека по два» [8. С. 72]. Иными словами, руководство Второго ополчения созывает Земский собор, который становится постоянно действующим органом. Вместе с войском он проследовал в Москву и заседал в освобожденной столице вплоть до прибытия туда депутатов собора 1613 г., избравшего на царство Михаила Романова.

Кстати говоря, главной (и чуть ли не единственной) целью собора 1613 г. часто называют избрание нового государя. И в таком контексте действиям ополченцев обычно приписывается чисто консервативная логика — они якобы стремились лишь к освобождению столицы от интервентов и к восстановлению самодержавной власти. Конечно, политические традиции — вещь довольно устойчивая, и русское общество начала XVII в. по-прежнему не представляло себя без государя, поэтому задача выбора нового царя сразу же стала одной из первостепенных для страны, однако ряд фактов свидетельствует о том, что *нормальный политический порядок виделся многими уже отнюдь не в простой реанимации старых властных институтов.*

Прежде всего обращает на себя внимание текст призывных грамот, рассылавшихся по городам, — в них говорится, что временное правительство Пожарского просит прислать в Москву депутатов «для земскаго совету и для государскаго обирания» [8. С. 78]. Как видно, задача выбора нового государя обозначена (причем на втором месте) вкупе с необходимостью иметь в Москве некий общеземский орган. Причем широкая формулировка «для земскаго совету» предполагала, по-видимому, обсуждение текущих государственных вопросов. Так под влиянием политического опыта Смуты и развития институтов участия в *русском обществе утверждается идея о необходимости функционирования при верховной власти представительного института, который делал бы эту власть легитимной.*

Помимо этого существуют серьезные основания полагать, что при вступлении на престол Михаила Федоровича им были приняты некоторые ограничения своей власти. В псковском сказании «О бедах, скорбях и напастях», анонимный автор которого был современником Смуты, в рассказе об избрании первого Романова говорится, что «егда его на царство посадиша и к роте приведоша» [9. С. 131]. Т.е. «когда его посадили на царство, то привели к присяге». К сожалению, автор не поясняет, в чем заключался смысл принятой Михаилом Романовым присяги. А.Г. Кузьмин в своем двухтомнике по русской истории приводит на этот счет более подробные сведения. В частности, он ссылается на источник XVIII в. — свидетельство секретаря прусского посольства в России И.Г. Фоккеродта, который рассказывал о том, что на Земском соборе 1613 г. было единодушно решено «не выбирать себе в цари никого, кроме того, кто под присягой обещается... *не судить никого государскою властью, не вводить новых законов без согласия собора, а тем менее отягощать подданных новыми налогами, или решать что бы то ни было в делах войны и мира*» [4. С. 384].

Таким образом, хотя после Смуты *политические формы продолжают во многом оставаться старыми* — тот же царь, Боярская Дума, Земские соборы, — но теперь *они наполняются новым содержанием*. Это был действительно «прорывной» момент для русского общества, который очевидно мог стать импульсом для формирования полноценных гражданских отношений между «Землей» и «Властью».

Вплоть до 1622 г. соборы заседают в столице без перерыва, выполняя при этом самые разнообразные функции: они устанавливают новые налоги, решают вопросы войны и мира, занимаются многими текущими делами государственного управления. При этом соборы в первые годы романовского правления посылают в города грамоты, которые по своему значению считаются *равноценными царским*, имеют собственную печать и дают различные указания от своего имени. В свою очередь, *все царские распоряжения обязательно легитимируются ссылкой на соборный приговор*.

Необходимо отметить также существенное расширение социального состава соборных депутатов после Смутного времени. В отличие от первых Земских соборов 1549—1598 гг. соборы при первых Романовых действительно претендуют на то, чтобы представлять «всю землю» — призывные грамоты рассылаются теперь в большинство русских городов, и они содержат требования присылать в столицу выборных «изо всяких чинов».

Тем не менее, период расцвета деятельности Земских соборов в Московском государстве оказался весьма кратковременным. В России все сильнее начинали заявлять о себе силы, игравшие на реставрацию старых социально-политических порядков.

Первые тенденции к пересмотру политических итогов Смутного времени начинают проследиваться достаточно быстро — после того как в 1619 г. вернулся из польского плена отец Михаила Романова Филарет, человек умный и властный, который был почти сразу же избран патриархом и сосредоточил в своих руках реальную власть. Уже через три года уходит в прошлое практика непрерывных соборных сессий, и, более того, до 1632 г. Земские соборы не заседают вовсе. В 1625 г. на царскую печать возвращается титул «самодержец».

Однако в условиях, когда царская власть и новая элита еще недостаточно укрепились, идти совсем уж «напролом» не решился даже Филарет, и ему пришлось прибегнуть к созыву Земского собора в 1632 г., когда встал вопрос о сборе нового налога для войны с Польшей. Через год, в 1633 г., Филарет умер, после чего соборная деятельность вновь активизируется — есть сведения о заседаниях Земского собора в 1634, 1637 и 1642 гг. Таким образом, в правление первого Романова вектор дальнейшего движения русского общества был еще неясен: с одной стороны, вполне реальными по-прежнему виделись перспективы гражданского развития, но, с другой — достаточно осязаемыми становились и реакционные процессы. «Момент истины» наступает при сыне Михаила Федоровича, Алексее Михайловиче.

Уже вступление на престол Алексея Михайловича сопровождалось любопытными обстоятельствами. Известно, что Алексей, будучи законным наследником

умершего царя, тем не менее, был избран на царство Земским собором. Можно подумать, что это была простая формальность. Однако есть два свидетельства современников об этом событии, заставляющие нас внимательнее к нему приглядеться. Первое — это сочинение подьячего Посольского приказа, знаменитого Григория Котошихина, в котором он пишет: *«И мало время минувшее, патриарх и митрополиты и архиепископы и епископы и архимандриты и игумены и весь духовный чин соборовали и бояре и околничие и думные люди и дворяне и дети боярские и гости и торговые и всяких чинов люди и чернь, после смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынешняго царя...»* [3. С. 26]. Второе — это воспоминания немецкого путешественника Адама Олеария, где он, подтверждая факт избрания царя «по единогласному решению всех бояр, вельмож и всей общины» [5. С. 253], произносит далее некую туманную фразу: *«Это коронование (Земский собор — Д.Л.), по стараниям вельможи Бориса Ивановича Морозова, бывшего гофмейстером и воспитателем молодого государя, по некоторым причинам, должно было совершиться так быстро, что не все в стране, кто желал, могли явиться для присутствия на нем»* [5. С. 253].

Итак, Котошихин и Олеарий сходятся на том, что созыв Земского собора 1645 г. совершился с величайшей поспешностью. К сожалению, ни один, ни второй не указывают, почему элита во главе с Морозовым действовала именно так. И тут могут рождаться самые смелые предположения, вплоть до того, что на собор могли быть не допущены те силы русского общества, которые не желали реанимации уже подзабытого наследственного принципа передачи власти (ведь последний раз он использовался в России 61 год назад при вступлении на престол царя Федора Ивановича), и стремились повторить ситуацию 1613 г., когда Михаил Романов был избран из более чем десяти кандидатов. Но, может быть, вопрос и не стоял так радикально, и новая элита хотела «всего лишь» избавиться от пресловутой «ограничительной записи»? Косвенно это подтверждают слова Котошихина об Алексее Михайловиче: *«А ныняшняго царя обрали на царство, а писма он на себя не дал никакого, что прежние цари давали»* [3. С. 150].

Вопросов здесь больше, чем ответов, но, так или иначе, за туманными событиями 1645 г. нам видится какая-то серьезная игра, которая велась романовской элитой. И дальше напряженность в отношениях между властью и обществом все возрастала, вылившись спустя три года в мощное народное выступление, известное как Соляной бунт.

Это московское восстание 1648 г., вызванное произволом царских приближенных во главе с Б. Морозовым и резким повышением цен на соль, отличалось достаточно острыми формами социальной борьбы: москвичи разграбили дворец Морозова, избili многих бояр и убили в собственном доме думного дьяка Н. Чистого, державшего в руках торговлю солью в столице. Не слишком церемонились и с самим царем — во время возвращения Алексея Михайловича с богослужения москвичи, схватив его лошадь за уздцы, начали выражать свое недовольство политикой властей. Под давлением народа царь был вынужден выдать на расправу разъяренной толпе своих приближенных Л. Плещеева и П. Траханиотова. Едва

удалось спасти боярина Б. Морозова, для этого царю пришлось выступить перед москвичами с довольно унижительной речью.

Очевидно, что элита была сильно напугана произошедшими событиями, которые показали, что ее положение отнюдь не так прочно, как хотелось бы. В условиях сохраняющегося после Смуты общественного подъема народ был готов на организованное социальное действие и на достаточно радикальные способы отстаивания собственных интересов. Не случайно С.Ф. Платонов замечает, что «после событий 1648 г. *правительство остерегается своих подданных* и в первых припадках *революционных страхов* ищет возможность создать себе охрану из чужестранцев» [7. С. 110]. Усиливала «революционные страхи» и ситуация в Англии, где почти в это же время был казнен король Карл I, о чем был осведомлен Алексей Михайлович и даже отметил это в своем дневнике [1. С. 134]. *В этой ситуации власть все активнее начинает поиск средств нейтрализации гражданских тенденций.*

Для того чтобы нивелировать политические итоги Смуты и подавить рост социальной активности, романовская элита сделала главную ставку на ослабление общества через столкновение между собой различных его частей, в первую очередь — служилого и тяглого населения. Надо сказать, что для такого раскола по социальному признаку существовали объективные предпосылки, ведь интересы и ценности тяглого и служилого сословия действительно во многом были противоположными.

Как отмечает А.Г. Глинчикова, служилое сословие, получая от государства землю и все прочие материальные блага, было «негражданским по своей социальной и политической природе, не способным и не стремящимся к организации и самоуправлению... наоборот, тяготеющим к централизованному бюрократическому типу организации и социальной интеграции» [1. С. 95]. Несмотря на это, до середины XVII в. периодическая консолидация служилых и тяглых элементов все-таки имела место, например, в ходе Смуты (в деятельности народных ополчений) или во время Соляного бунта 1648 г., когда дворяне и «дети боярские» вместе с торговыми людьми подали царю челобитную, в которой от лица «всенародного множества» требовали созыва Земского собора для принятия нового Уложения. Теперь же власть решила противопоставить друг другу эти социальные группы, используя экономические привилегии для привлечения на свою сторону служилого населения.

Эта задача была успешно реализована на Земском соборе 1648—49 гг., который был созван под давлением общества как раз после описанных нами московских событий, что с неудовольствием отмечал патриарх Никон: «всем ведано, что *збор* (Земский собор — Д.Л.) *был не по воли, боязни ради и междоусобия от всех черных людей*» [8. С. 164]. Внешне собор и выглядел как уступка обществу — выборные не просто обсудили готовый текст Уложения, но приняли самое деятельное участие в работе комиссии князя Одоевского, готовившей текст нового свода законов, и многие статьи были приняты «по челобитью» депутатов от посада, торговых и служилых людей.

В предисловии к Уложению говорилось о равенстве новых законов для «всяких чинов». Но среди прочего была проведена и откровенно антиобщественная реформа — произошло окончательное закрепощение крестьян. *Это стало началом того глубокого размежевания между дворянством и остальным обществом, которое уже в императорской России приобрело откровенно уродливые формы.* Крепостное право стало своеобразной сделкой между властью и дворянством, выгодной обеим сторонам — первая могла теперь опираться на служилое сословие в своей репрессивной политике против общества, вторая же получала особые привилегии (сначала экономические — в виде права собственности на крестьян, а в Петербургскую эпоху и политические). В проигрыше осталась только часть общества, ответившая на свое закрепощение многочисленными восстаниями второй половины XVII в., крупнейшее из которых связано с именем Степана Разина.

Одновременно власть повела наступление на институты народного представительства — начинается бюрократизация местного самоуправления, подчинение его власти царских воевод; перестают созываться Земские соборы, ставшие после Смуты символом обновленной государственности. Собор 1653 г., обсуждавший вопрос о присоединении Малороссии к России, был последним Земским собором в русской истории. В этом же ключе следует рассматривать и события церковного раскола (начинается также в 1653 г.), которые, во-первых, создали в обществе еще одно глубокое размежевание, уже не по социальному, а по религиозному признаку, а, во-вторых, привели к окончательному подчинению русской церкви государству, «выдавливанию» из нее наиболее принципиальной, наиболее последовательной в своих взглядах части духовенства, которая была противницей огосударствления и бюрократизации религиозных институтов. Так в Московском государстве закончился полувековой период гражданского подъема. Революцию сменила реставрация.

Итак, в ходе Смуты в России зародились и были реализованы в политической практике две фундаментальные гражданские идеи: *идея защиты общества от властного произвола* («крестоцеловальная запись» Василия Шуйского, проект Михаила Салтыкова, Приговор Первого ополчения, «ограничительная запись» Михаила Романова) и *идея легитимации власти через участие в управлении представителей общества* (такое участие осуществлялось во время Смуты и сразу после нее с помощью института Земских соборов). Для России начала XVII в., да и для всей Европы, это была просто революционная ситуация (напомним, что аналогичные события в Англии начинаются только в 1640 г.!). Но для успешного завершения процессов гражданской трансформации необходимо было удержать и закрепить политические завоевания, а этого русское общество сделать не смогло.

Причина здесь кроется, в первую очередь, в том, что социальный подъем, рожденный Смутным временем, был слишком кратковременным для того, чтобы общество успело по-настоящему стать субъектом политики — тенденции к этому только начали оформляться. Русское общество после Смуты было еще переходным, в нем сосуществовали старые и новые формы социально-политической организации и легитимации власти.

Определенную слабость гражданских тенденций в России обусловило и то, что они развивались фактически «с нуля». Ведь если мы сравним в данном случае Россию с Западом, то увидим, что в Европе имело место устойчивое и более или менее последовательное вызревание демократических, гражданских традиций. В частности, «коммунальное движение» и феномен «свободных городов» Средневековья оказали существенное воздействие на опыт европейских сословно-представительных органов и на эволюцию всего европейского средневекового общества, а традиция сословного представительства, в свою очередь, в известной мере подготовила почву для демократии Нового времени. Скажем, в Англии к началу революционных событий история парламента насчитывала почти 400 лет, в течение которых сословия неоднократно вели с королевской властью успешную борьбу за свои права и привилегии. Если вспомнить, что Земские соборы до Смутного времени созывались лишь четыре раза, станет понятно, почему в России власть сумела относительно быстро и безболезненно избавиться от «неудобных» для нее институтов общественного контроля.

Наконец, свою роль сыграли и экономические факторы. В России самодержавию удалось достаточно легко перетянуть на свою сторону дворянство и даже часть нарождавшейся буржуазии, поскольку в силу формировавшейся у нас периферийной экономики, основанной на вывозе за рубеж дешевого сырья и продовольствия (главным образом зерна), эти социальные слои были заинтересованы не в окончательном демонтаже сохранявшихся элементов феодализма (как джентри и буржуазия в той же Англии), а, напротив, в усилении крепостничества и развитии внеэкономических форм принуждения. Поэтому *они и объединились в итоге с властью против «низов», а не с «низами» против власти.*

Но, несмотря на то, что политические уроки Смуты оказались для русского общества в целом негативными — развитие гражданских институтов было сорвано и осталось незавершенным — все-таки об этих уроках стоит помнить сегодня, когда все чаще слышны голоса о том, что понятия «демократия» и «гражданское общество» неприменимы к России, что внутри российского социума нет и никогда не было аутентичных импульсов к демократизации, что авторитаризм — это «судьба России», архетип ее политического бытия. Как нам представляется, история Смутного времени все-таки оставляет нам возможность для осторожного оптимизма, показывая, что альтернатива была, а значит, и будет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? — М., 2008.
- [2] Из «Приговора» Первого ополчения 30 июня 1611 года // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина. — М., 2004.
- [3] Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 2000.
- [4] Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. — В 2 т. — М., 2003. — Т. 2.
- [5] Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — М., 1996.
- [6] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — М., 1993.
- [7] Платонов С.Ф. Москва и Запад. — М., 1999.
- [8] Платонов С.Ф. Московские Земские соборы XVI и XVII вв. // Собрание сочинений в 6 т. — М., 2003. — Т. 1.

- [9] Полное собрание русских летописей. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1.
[10] *Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель.* — М., 1993.
[11] *Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн.* — М., 1990. — Кн. 5.
[12] Путешествия сэра Джерома Горсея // <http://sundukis.narod.ru/source/gorsei>

THE TIME OF TROUBLES IN RUSSIA: FROM THE REVOLUTION TO THE RESTORATION

D.E. Letnyakov

The Department of Political Science
The State Academic University for the humanities
Maronovskiy per., 26, Moscow, Russia, 119049

The article is devoted to the events of the Time of Troubles («*Smutnoe Vremia*») in Russia. This period is analyzed through the appearance of new democratic forms of social integration and authority legitimation and a birth of proto-civil type of interconnection between state and society. This example gives an opportunity to overcome some existing stereotypes, connected with Russian history and Russian political tradition.

Key words: political history of Russia, «*Smutnoe Vremia*», Zemskoy Sobor, civil society, political modernization, monarchy.